

История одного послелого: проблемы этимологического анализа элементов последложно-падежной системы в новоиндийских языках

Статья посвящена проблемам этимологического анализа элементов последложно-падежной системы в новоиндийских языках на примере анализа послелога *thē* в языке кумаони. На основании формального, функционального и типологического анализа было показано, что в кумаони имеется два этимологически разных послелога *thē*, один из которых, как и его когнаты в других новоиндийских языках, ранее имел в своем составе формант, позднее переосмысленный как присоединительный генитивный показатель.

Ключевые слова: индоарийские языки; язык кумаони; послелого; этимология грамматических морфем.

Этимология грамматических единиц, как правило, представляет собой более сложную задачу по сравнению с восстановлением лексических праформ. Промежуточное положение занимает этимологический анализ так называемых функциональных слов: это те лексические единицы, которые утратили свое лексическое значение в пользу грамматических функций и стали частью грамматической системы, но не перешли в класс морфем. К функциональным словам относятся адлоги, союзы, частицы, вспомогательные глаголы и др.

Данная работа посвящена проблемам этимологического анализа элементов последложно-падежной системы в новоиндийских языках на примере анализа послелога *thē* в языке кумаони. Материал по языку кумаони был получен в ходе полевой работы в регионе Кумаон (Уттаракханд, Индия) в 2008–2017 гг., а также взят из существующих описаний языка.

В процессе эволюции падежных систем индоарийских языков в результате различных фонетических и морфологических процессов семипадежная (без учета вокатива) древнеиндийская система стала утрачивать противопоставление некоторых падежей. Если в среднеиндийский период многие падежи еще сохранялись, то в ранний новоиндийский период изначальная падежная система уже практически распалась и в основу современных новоиндийских языков легла редуцированная система, чаще всего в составе двух падежей: прямого и косвенного. Функциональное место прежних падежей стали занимать послелого, и в современных новоиндийских языках они объединяются с сохранившимися падежами в общую последложно-падежную систему.

В основополагающих работах в области типологии новоиндийских языков Зограф 1976 и Masica 1991 в основу классификации кладутся формально-морфологические характеристики показателей, а именно, единицы последложно-падежных систем этих языков группируются на основе так называемых «ярусов» или «уровней» (Зограф 1976: 79–117, Masica 1991: 232–248). Уровни выделяются следующие:

1. «Первичный» — флективные показатели с кумулятивным выражением числа и падежа. К этому уровню относятся остаточные флективные формы среднеиндийского склонения;

2. «Вторичный» уровень объединяет два типа показателей: (а) «непосредственные», присоединяющиеся к основе, не имеющей первичного показателя; (b) «опосредованные», присоединяющиеся к основе, оформленной первичным показателем. Сюда относятся новограмматикализовавшиеся падежи и непроизводные послелогии.

3. «Третичный» — показатели, в свою очередь присоединяющиеся к вторичным показателям и с помощью них ко всей словоформе. Вторичные показатели, служащие «связующим звеном» между основой и третичным показателем, представляют собой конечный (редко более 2-х) набор конкретных единиц. В большинстве новоиндийских языков такую функцию выполняет генитивный показатель.

Показатели трех уровней можно проиллюстрировать на примере слова хинди *thānā* ‘полицейский участок’. В хинди выделяются два падежа первичного уровня: прямой и косвенный, соответственно словарная форма слова будет в прямом падеже *thān-ā* (DIR), а косвенный падеж в данном случае будет маркировать направительную функцию — *thān-e* (OBL) ‘в полицейский участок’. К вторичным послелогам в хинди относится, например, локативный, который присоединяется к основе, оформленной показателем косвенного падежа: *thān-e mē* (OBL + LOC) ‘в полицейском участке’. И в качестве примера третичного послелога можно привести апудэссивный послелог, который присоединяется к форме косвенного падежа при помощи генитивного послелога, ср. *thān-e ke pās* (OBL + GEN.M.OBL + APUD) ‘рядом с полицейским участком’. Генитивный послелог в хинди, также как и в большинстве новоиндийских языков, имеет формы рода, числа и падежа, и конструкции с ним функционируют как определение.

Сложность этимологического анализа послелогов заключается в следующих моментах:

- грамматические значения послелогов достаточно нестабильны, их функции могут со временем меняться и не совпадать с функциями их когнатов в родственных идиомах;
- послелогии обычно формально короче полнозначных лексических единиц;
- краткость формы часто приводит к омонимии послелогов, исторически имеющих разное происхождение;
- пространственные послелогии, маркирующие противоположные по пространственным критериям понятия, склонны фонетически и формально уподобляться друг другу. В новоиндийских языках это свойство не столько послелогов, сколько пространственных прилагательных и наречий, от которых они образованы. Так, например, в хинди вариант прилагательного *dāyā* (< *dāhinā*) ‘правый’ образовался по аналогии с *bāyā* ‘левый’. Так же наречие гархвали *ēthar* (< *agne*) ‘вперед’ образовалось по аналогии с *pethar* ‘назад’ (Sharma 1994: 128), а кумаони *māli* (< *mathi*) ‘вверх’ — по аналогии с *tāli* ‘вниз’;
- семантика послелога — это набор его функций и их взаимосвязь, без анализа функций послелога его этимологизирование затруднено и приводит к некорректным результатам;
- во многих случаях анализ послелога возможен только в рамках анализа всей послеложно-падежной системы языка в целом.

Из всего перечисленного можно сделать вывод, что для успешности этимологического анализа послелогов необходимы все виды анализа: формальный, функциональный и типологический (включающий как диалектные данные, так и материал близкородственных языков).

Язык кумаони относится к северной подгруппе индоарийских языков (языки пахари). Он распространен в регионе Кумаон, который, наряду с Гархвалом, является одним из двух административных регионов штата Уттаракханд, Индия. По данным переписи населения от 2011 года¹ число людей, назвавших кумаони родным языком, составило на тот момент 2,081,057 человек. Кумаони характеризуется большим количеством диалектов и является крупным диалектным континуумом. Современное разбиение кумаони на диалекты в основном восходит к работе Grierson 1916, где диалекты были выделены во многом по ареальному признаку и названы по административным районам. В дальнейшей работе мы будем приводить примеры из разных диалектов кумаони: название диалекта будет приводиться перед примером. В случае, если пример относится к нашим полевым данным, то вместе с названием диалекта будет указываться место проживания информанта; если пример взят из других источников, то источник будет приводиться после примера.

Послелог *thē* в языке кумаони представляет особый интерес как с точки зрения этимологии, так и в типологическом рассмотрении. В различных работах приводятся как разные функции этого послелога, так и разные этимологические гипотезы. Так, в грамматическом описании кумаони Sharma 1987: 50–52 в качестве функций *thē* перечислены аккузатив-датель, апудэссив, посессор, агент в пассивных конструкциях и датель третичного уровня. В последующей работе того же автора (1991: 87–105) можно отметить уже расширенный список функций для того же послелога: аккузатив-датель, датель, апудэссив, посессор, адресат при глаголах речи, маркер каузируемого участника в каузативных конструкциях, агент в пассивных конструкциях. В работах, не посвященных непосредственно кумаони, приводятся более краткие описания функций: в Turner 1962–1985: 794, №13760 послелог *thaṛ*² переводится как ‘рядом, из, посредством, с’, в Masica 1991: 245 послелог *tē ~ thē* и в Montaut 2013: 12 послелог *tai ~ tāi* рассматриваются как дательные. Столь же различны и этимологические гипотезы, предлагаемые для послелога. В Turner 1962–1985: 794, №13760 послелог возводится к др.-инд. *sthāman* или *sthāna* ‘место’, так же как и послелог лахнда *thāḍ* ‘из’, панджаби *thāi* ‘вместо’, бхалеси *ṭheie* ‘вместо’, непали *thāi* ‘рядом’, ория *ṭhāi* ‘в’ и др. В Sharma 1987: 50–52 предлагается возводить данный послелог к среднеиндийской «описательной локативной форме» *tahim*, восходящей к ДИЯ *tasmin* (*tat* ‘то’ + LOC), «аналогично аккузативно-дательному суффиксу *tem*, в раннем маратхи», а кроме того в качестве возможной рассматривается этимология, приведенная в Turner 1962–1985. В Masica 1991: 245 с отсылкой к работе Bloch 1920: 200–201 выдвигается предположение, что дательный *tē ~ thē* в кумаони, как и *te* в кховар, *tem*, *them* в раннем маратхи, а также «послелог третичного уровня ^{ri} *tāi*, ^{re} *tēi* ‘для’ в диалектах западного пахари (куллуи, чурахи, шодочи) и в хинди ^{ke} *tāi*, ^{ke} *tāi* (со значением ‘до’, более распространенный вариант *tak*)» могут восходить к ДИЯ *artha* ‘цель’ (скр. локативная форма: *arthe* ‘для, в целях’ < пали *atthāya* ‘для, в целях’). В Montaut 2013: 12 дательный *tai ~ tāi* в пахари возводится к др.-инд. *tāvati* (локативная форма от *tāvat* ‘до сих пор, (вплоть) до’).

Для осуществления успешного этимологического анализа прежде всего необходимо выяснить формальные характеристики послелога и уточнить набор функций. Мы считаем, что в данном случае речь идет о двух этимологически разных послелогах, различных по функциям, а именно о дательном и апудэссивном послелогах, которые омонимичны по форме. В пользу такого решения говорят следующие факты:

¹ Данные размещены на сайте http://censusindia.gov.in/2011Census/C-16_25062018_NEW.pdf.

² Гласный *ε* в кумаони часто записывается как *ai*, видимо, по аналогии с тем, как этот гласный фиксируется при помощи деванагари в целях различения с гласным *e*.

- дативный *thē* имеет в диалектах кумаони фонетический вариант без аспирации — *tē*, тогда как апудэссивный *thē* имеет фонетические варианты с озвончением и палатализацией — соответственно *dhē* и *chē*;
- оба послелога могут появляться в пределах одного предложения и даже быть зависимыми одного предиката в двух фонетически разных вариантах и соответственно в двух разных функциях, ср., например:

аскоти

- (1) *Biswamitra-l Ram-thē dhānus ṭoḍ-n-e-tē kōc*
 Вишвамित्रа-ERG=INSTR Рама-APUD лук ломать-INF-OBL-DAT сказать.PF.M.3SG
 ‘Вишвамित्रа велел Раме сломать лук’ (Apte, Pattanayak 1967: 78)

- дативный *thē* может присоединяться к имени при помощи генитивного показателя (GEN) в форме женского рода ((2)–(5)), тогда как апудэссивный *thē* присоединяется непосредственно к имени ((6)–(8)).
- дативный и апудэссивный *thē* различаются по функциям. Дативный *thē* маркирует дестинатив, бенефактив, цель, каузируемое действие в каузативных конструкциях, конечную точку при предикатах движения и др., см. (1)–(5). Апудэссивным *thē* маркируется собственно апудэссив, а также посессор в конструкциях обладания, адресат при глаголах речи, каузируемый участник в каузативных конструкциях, агенс в модально-деагентивных конструкциях и др., см. (1) и (6)–(8).

аскоти

- (2) *dūr dēś ki taī gayō*
 далекий страна GEN.F DAT идти.PF.M.3SG
 ‘Он поехал в далекую страну’ (Grierson 1916: 245)

кхаспарджия, Алмора

- (3) *u pəṛ-n-e-k thē almor je ro*
 3SG учиться-INF-OBL-GEN DAT Алмора идти.CVB PFV.M.3SG
 ‘Он поехал учиться в Алмору’

кумайя, Чампават

- (4) *jo pani dewta-ki thē pəwitr chə*
 который вода божество-GEN.F DAT святой COP.PRS.3SG
u mer-i thē... pəwitr chə
 3SG 1SG.POSS-F DAT святой COP.PRS.3SG
 ‘Вода, священная для божества, священна и для меня’ (Kandpal 2011: 325)

чаугаркхия

- (5) *tu pəṛ-ṭ-ki / inr-i tē khaṇ pəku-ne rō-chē*
 2SG гость-OBL.PL-GEN.F / 3PL.POSS-F DAT еда готовить-IPFV.PTCP DUR-PRS.2sg
 ‘Ты готовишь еду для гостей / для них’ (Bisht 2005: 45)

джохари, Девибагад

- (6) *am cul thē che*
 мама очаг APUD COP.PRS.3SG.F
 ‘Мама у очага’

кумайя

- (7) *ram thē bhol-khaṇ ek kitab ho-l-i*
 Рам APUD завтра-DAT один книга быть-FUT-F
 У Рама завтра будет книга (Upreti 1976: 234)

- сорьяли, Питхорагарх
 (8) *sasu apun-i bhwari thē bhət kam kər-u-nch-i*
 свекровь свой-F невестка APUD много работа делать-CAUS-PRS-F
 Свекровь заставляет свою невестку много работать

Таким образом, можно суммировать различные характеристики двух послелогов *thē*, как это представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Свойства омонимичных послелогов *thē*.

Послелог	<i>thē</i> 1 (APUD)	<i>thē</i> 2 (DAT)
Диалектные варианты	<i>thē ~ chē ~ dhē</i>	<i>thē ~ tē</i>
Формальные характеристики	относится к вторичному уровню (присоединяется непосредственно к косвенной основе)	относится к третичному уровню (присоединяется посредством генитивного показателя (GEN))
Функции	<ul style="list-style-type: none"> • апудэссив • посессор в конструкциях обладания • адресат при глаголах речи • каузируемый участник в каузативных конструкциях • агенс в модально-деагентивных конструкциях и др. 	<ul style="list-style-type: none"> • дестинатив • бенефактив • цель • каузируемое действие в каузативных конструкциях • конечная точка (при глаголах движения) и др.

Апудэссивный *thē*, таким образом, может быть возведен к др.-инд. *sthāman* или *sthāna* ‘место’, как это было предложено в Turner 1962–1985: 794, №13760. Цепочка преобразований могла иметь вид *sthāmni* (*sthāman* ‘место’ + LOC) > *thāi* > *thē* или *sthāne* (*sthāna* ‘место’ + LOC) > *thāe* > *thē*. Остается выяснить этимологию дативного *thē*.

Дативный послелог *thē* по формальным характеристикам относится к третичному уровню, тем самым структурно сближаясь с послелогом — предположительными когнатами в языках химакали (Masica 1991: 245), а именно, во многих случаях присоединяется к имени посредством GEN. Более того, это один из немногих послелогов в кумаони, присоединяющийся при помощи GEN.F, тогда как обычно для присоединения послелогов третичного уровня употребляется форма GEN.M.OBL. Присоединительная форма GEN.F характерна далеко не для всех новоиндийских языков: часто, когда такая форма служит для присоединения послелогов третичного уровня, такие послелогии обладают прозрачной внутренней формой, поскольку являются сравнительно недавно грамматизовавшимися из существительных женского рода (ср. хинди ^{ki} *jagah* ‘вместо’ < *jagah* (F) ‘место’, ^{ki} *taraf* ‘в стороне, в сторону’ < *taraf* (F) ‘сторона’). В кумаони так же образовался послелог LOC_ALL ^{ki} *taraph* (от *taraph* (F) ‘сторона’). В случае *thē* внутренняя форма послелога не прозрачна и путь грамматикализации не очевиден.

Помимо этого, в языке кумаони распространена элизия конечных гласных слов. В частности она распространяется на многие показатели и послелогии, включая GEN, от которого остается одиночный согласный *k*- (см. (3)). Элизия обуславливает тенденцию к дальнейшему выпадению GEN, особенно перед послелогом третичного уровня, где отсутствие GEN никак не сказывается на семантике сочетаний этих послелогов с именами. При этом GEN при дативном *thē* достаточно часто сохраняется. Более того, *thē* односложный, а сохранение GEN перед односложным послелогом крайне нехарактерно для кумаони. Ввиду частого выпадения GEN перед третичными послелогом, диагностически-

ми контекстами на изначальное наличие GEN, т. е. на принадлежность послелога к третьичному уровню, могут быть сочетания *thē* с личными местоимениями в посессивной форме, см. (4)–(5).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что дативный послелог *thē* в кумаони обладает нестандартными формальными характеристиками. При этом в других новоиндийских языках обнаруживаются предположительные когнаты, обладающие аналогичными формальными характеристиками и сходными функциями:

1. Послелог, похожий фонетически и аналогичный по структуре и функциям, встречается во многих языках химачали. Так, в языке куллуи³ это послелог DAT *teyē*, присоединяющийся к имени посредством GEN.F (*-ri*), и это единственный послелог в языке, при котором GEN имеет форму F и один из немногих с обязательным присоединением посредством GEN в принципе (в куллуи послелоги обычно присоединяются непосредственно к косвенной форме слова за исключением некоторых пространственных послелогов и тех, которые были заимствованы из хинди). В Bailey 1908 приводятся похожие данные по другим языкам химачали⁴: в языках, территориально более близко расположенных к Уттаракханду, DAT употребляется с GEN.F (киунтхали ^{ri} *tēĩ* / ^{ri} *tāĩ* (GEN.F)⁵ ‘для, о’; коттуру ^{ri} *tāĩ* (GEN.F) ‘о’; внутренний сираджи ^{ri} *tāñĩ* (GEN.F) ‘для, о’), а в языках, более удаленных — GEN.M.OBL (кангри ^{re} *tāen* (GEN.M.OBL) ‘для, об’; гади ^{re} *tāin*, ^{re} *tāen* (GEN.M.OBL) ‘для, об’; чурахи ^{re} *tēĩ* (GEN.M.OBL) ‘для’)⁷. Похожий послелог есть и в восточном раджастане — ^{kai} *tāĩ* (GEN.F) ‘для’ (Masica 1991: 244).

2. Сходный послелог встречается в средневековых текстах: ^{kai/ki} *tāĩ* (GEN.F) ‘для’ в средневековом авадхи произведений Джаяси (Saksena 1971: 227, Callewaert, Sharma 2009: 848) и ^{ke} *tāĩ*, ^{ke} *tāĩ* (GEN.M.OBL) ‘для’ в текстах Кабира (Das 1965–75: 2046), ср.:

- ранний авадхи, Джаяси
(9) *jaga kai tāĩ*
мир GEN.F DAT
Для мира (Saksena 1971: 227)

Достаточно стабильное наличие присоединительного GEN и нестандартная форма GEN.F во многих языках наводят на мысль, что изначально компонент, сходный по форме с GEN, входил в состав послелога, а потом произошло переразложение, причем на достаточно ранних этапах разделения НИЯ (до закрепления разных вариантов GEN (из \sqrt{kr} -) с начальным *k*- в пахари и *r*- в химачали). Так, некоторые авторы описаний кумаони приводят этот послелог в виде *kithē* ~ *kitē*, ср. Kandpal 2011: 324. В Upreti 1976: 231 есть пример, где, употребляясь с местоимением, послелог сохраняет форму с начальной *ki*- вместо присоединения к притяжательной форме местоимения, как ожидалось бы в случае, если бы *ki* было формой GEN.F, ср.:

³ Материал по языку куллуи был собран во время экспедиций в округ Куллу (Химачал-Прадеш, Индия) в 2014–2018 гг.

⁴ Послелоги даны в записи Bailey 1908.

⁵ Помета GEN.F приводится здесь в случае, если такое присоединение было отмечено в Bailey 1908 — в тексте или в примерах.

⁶ Вариант значения дативного послелога ‘о’ фиксируется в Bailey 1908(1): 59 и для куллуи, однако во время работы с языком в ареале его распространения такого значения у послелога отмечено не было. Поэтому вызывает сомнение выделение этого значения в других языках.

⁷ Данные по киунтхали, коттуру и внутреннему сираджи соответственно Bailey 1908(1): 14, 28, 46, чурахи — Bailey 1908(2): 30, кангри и гади — Bailey 1908(3): 7, 25

- аскоти, Кхолигаон
 (10) *mē kithyā paṇi lya* (**mer-i thyā*)
 я ДАТ вода принести.IMP
 Принеси мне воды (Upreti 1976: 231)

По нашей гипотезе послелог может быть возведен к ДИЯ **kṛtasmin* (форма LOC от *kṛta* — PST.PTCP от \sqrt{kr} ‘делать’, восстановленная по парадигме местоименного склонения, ср. пали LOC: *-smin*). В пользу такой версии могут быть следующие аргументы:

1. *kṛte* (*kṛta* + LOC) ‘для, ради, в целях’ — один из самых распространенных маркеров целевых конструкций в санскрите;

2. К этой же форме могут быть возведены апабхр. *kehiṃ*, *tehiṃ* и *resiṃ* ‘для, ради’, приведенные в грамматике Siddha-hema-śabdānuśāsana Хемачандры (XII в.): этимология этих послелогов остается загадкой для исследователей. Эти послелогии подробно обсуждаются в Bubenik 1998: 78–79, в частности в работе отрицается возможное возведение *kehiṃ* к *kṛte* на основании того, что *kṛte* должно было бы в апабхр. иметь вид *kie* или *kae*. Относительно *resiṃ* Бубеник ссылается на данные из Schwarzschild 1959: 85–86, согласно которым «*resiṃ* может быть возведен к генитивному послелогу *kerā* (< герундив *kārya* ‘быть сделанным’), а именно к его форме *keresiṃ* (GEN.PL)». Мы предполагаем, что форма **kṛtasmin* могла дать все три приведенных Хемачандрой варианта (ср. *s > h* [Hewson, Bubenik 2006: 115] и LOC: *-*smin* > *-smin* > *-*sim* > *-hiṃ* в апабхр.).

3. К этой же форме могут быть возведены послелогии-когнаты в средневековых текстах и современных языках химачали, а также послелогии лахнда *kite* ‘для’, маратхи *kartā* ‘для’ (Masica 1991: 224) марв. *kartā* ‘по сравнению с’ (Bahri 1966: 123) и др.

4. Основная масса исследователей возводят GEN к \sqrt{kr} - (варианты *kṛta*, *kārya*), поэтому начальный *kr*- мог давать сходство с GEN и привести к последующему переразложению основы послелога.

В данной работе на примере послелога *thē* в кумаони показано, что успешность этимологического анализа послелога непосредственно зависит от формального, функционального и типологического анализа этого послелога, а также от понимания устройства послеложно-падежной системы языка в целом. Так, на основе формального и функционального анализа послелога *thē* в кумаони с учетом привлечения диалектных данных было построено предположение о наличии двух омонимичных послелогов *thē*, у каждого из которых соответственно существует своя этимология. Сопоставление формальных характеристик дативного послелога *thē* с аналогичными характеристиками других послелогов в кумаони показали, что дативный *thē* обладает набором нестандартных формальных характеристик. К такому выводу позволило прийти изучение послеложно-падежной системы кумаони в целом и в частности конкретных процессов, для этой системы характерных (как то элизия конечных гласных показателей, распространенное выпадение GEN перед послелогими третичного уровня, редкость формы GEN.F и др.). Далее был привлечен материал языка куллуи (< химачали = западные пахари), где имеется сходный по формальным характеристикам, а также по функциям когнат послелога. Знание устройства послеложно-падежной системы языка куллуи позволило установить, что формальные характеристики этого когната также являются нестандартными по сравнению с другими послелогими. Таким образом, стало понятно, что нестандартные формальные особенности дативного *thē* в кумаони являются структурной маргиналией не только в рамках отдельно взятого языка, но и в типологическом рассмотрении. Это же подтвердили данные других индоарийских языков, в которых нашлись аналогичные когнаты. На основании всего перечисленного появилась возможность выдвинуть гипотезу об этимологии дативного послелога *thē* в кумаони, а также всех когнатов этого послелога в других языках.

Список условных сокращений

1,2,3 — 1,2,3 лицо, APUD — апудэссивный послелог, CAUS — каузатив, COP — копула, CVB — конверб, DAT — дативный послелог, DUR — дуратив, ERG=INSTR — эргативно-инструментальный показатель/послелог, F — женский род, FUT — будущее время, GEN — генитивный показатель/послелог, IMP — императив, INF — инфинитив, IPFV — имперфектив, LOC — локативный показатель/послелог, M — мужской род, OBL — косвенный падеж, PF — перфектив, PFVV — перфективный интенсивный глагол, PL — множественное число, POSS — посессивная форма местоимения, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, PTCP — причастие, SG — единственное число.

Литература

Зиграф, Г. А. 1976. Морфологический строй новых индоарийских языков. Москва: Наука.

References

- Apte, Mahadeo L., D. P. Pattanayak. 1967. *An Outline of Kumauni Grammar*. Durham: Duke University.
- Bahri, H. 1966. *Gramin Hindi Boliya*. Ilahabad: Kitab Mahal.
- Bailey, T. G. 1908. *The Languages of the northern Himalayas, being studies in the grammar of twenty-six Himalayan dialects*. London: The Royal Asiatic Society.
- Bisht, Sher Singh. 2005. *Kumaun Himalaya ki boliyon ka sarvekshan*. Delhi: Indian Publishers Distributors.
- Bloch, Jules. 1920. *La formation de la langue Marathe*. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion.
- Bubenik, Vit. 1998. *A Historical Syntax of Late Middle Indo-Aryan (Apabhramsha)*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Callewaert, Winand M., Swapna Sharma. 2009. *Dictionary of bhakti: North-Indian bhakti texts into Khaṛī Bolī, Hindī, and English*. Delhi: D.K. Printworld.
- Dās, Śyāmsundar. 1965–75 (1916–1928). *Hindī śabdsāgar, arthāt, Hindī bhāṣā kā ēk brhat kōś*. 11 vols. Benares: Nagaripracarini Sabha. Available online at: dsal.uchicago.edu/dictionaries/dasa-hindi.
- Grierson, Sir George A. 1916. *The Linguistic Survey of India. Vol. IX, Indo-Aryan family : Central group. Part IV, Specimens of the Pahari languages and Gujuri*. Calcutta: Superintendent government printing.
- Hewson, John, Vit Bubenik. 2006. *From Case to Adposition — the development of configurational syntax in Indo-European languages*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Kandpal, Pramod Kumar. 2011. *Kumāuni boliyō kā tulnātmak adhyayan*. Almora (Uttarakhand): Kumāu viśvavidyālay, Soban Sinh Jināparisar.
- Masica, Colin P. 1991. *The Indo-Aryan Languages*. Cambridge University Press.
- Montaut, Annie. 2013. The rise of non-canonical subjects and semantic alignments in Hindi. In: Ilja A. Seržant, Leonid Kulikov (eds.). *The Diachronic Typology of Non-Canonical Subjects* [Studies in Language Companion Series 140]: 91–118. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Saksena, Baburam. 1971. *Evolution of Awadhi (a branch of Hindi)*. 2nd ed. Delhi: Motilal Banarsidass.
- Sharma, Devidatta. 1987. *The Formation of Kumauni language. Part II: Morphology and syntax*. New Delhi: Bahri Publications.
- Sharma, Devidatta. 1994. *Linguistic Geography of Kumaun Himalayas: A descriptive areal distribution of Kumauni language*. New Delhi: Mittal Publications.
- Schwarzschild, L. A. 1959. Notes on two postpositions in Late Middle Indo-Aryan: *taṇaya* and *resi*, *resammi*. *Bhāratiya Vidyā* 19: 77–86.
- Turner, Sir Ralph Lilley. 1962–1985. *A comparative dictionary of Indo-Aryan languages*. Oxford University Press.
- Upreti, Bhavani Datta. 1976. *Kumāunī bhāṣā kā adhyayan*. Allahabad: Samriti Prakashan.
- Zograf, G. A. 1976. *Morfologičeskij stroj novyx indoarijskix jazykov*. Moskva: Nauka.

Evgeniya Renkovskaya. The story of one postposition: etymological analysis issues with certain elements of the postpositional system in New Indo-Aryan languages

The paper discusses issues of etymological analysis of postpositions in the New Indo-Aryan languages, specifically focusing on the example of the postposition *thē* in the Kumaoni language. Formal, functional and typological analysis of *thē* shows that diachronically it actually represents two etymologically different postpositions; one of them, as well as its cognates in other New Indo-Aryan languages, contains an original morphological component that was later reinterpreted as a connecting genitive marker.

Keywords: Indo-Aryan languages; Kumaoni language; postpositions; etymology of grammemes.